

КОВЕР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЛИКА И СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТУРКМЕНСКОГО КОВРА XVI — НАЧАЛА XX в.

Е.Г. Царева

Статья посвящена проблемам идентификации ворсовых изделий Туркменистана XVI — начала XX в. Автор расширяет атрибуционные возможности традиционно привлекаемых показателей (узел, племенная орнаментика) и предлагает использовать ряд ранее не рассматривавшихся в данном аспекте структурных и художественных особенностей узелкового ткачества региона, сложившихся за тысячелетия формирования феномена туркменского ковра в устойчивые общие и частные территориальные, временные и племенные маркеры.

Ворсовое ковроделие, туркмены, атрибуция, орнаментальные и структурные особенности, идентификационные признаки

На протяжении XVI–XX вв. ворсовое ткачество¹ представляло наиболее развитый и распространенный вид художественного творчества туркмен и являлось неотъемлемой частью быта народа и показателем его этнической принадлежности. Яркое, самобытное и легко узнаваемое явление евразийской текстильной цивилизации, туркменские ковры демонстрируют огромное разнообразие цветовых, орнаментальных и структурных отличий. Эти отличия привлекли внимание исследователей феномена уже на ранних этапах его изучения и тогда же получили ряд объяснений. Главными причинами были названы племенные и временные особенности ковров, при этом в качестве исходных атрибутирующих маркеров использовалась орнаментика, что позволило А.А. Боголюбову, С.М. Дудину и А. Фелькерзаму выделить группы изделий, соотносимых с племенами салор, сарык, теке, иомуд, чоудор, арабачи, эрсари, кызыл-аяк [Боголюбов, 1908; Фелькерзам, 1914; Дудин, 1928]². Наиболее четко идентифицировались постилочные, т.е. использующиеся для застилания пола ковры *халы* прямоугольной формы, обязательную часть декора центрального поля которых составляют племенные медальоны *гэль*. Эта идея была блестяще развита В.Г. Мошковой, автора энциклопедического для данной темы труда «Ковры народов Средней Азии» [1946, 1970]³.

С углублением знаний о предмете стало очевидно, что существующая система не отражает всего разнообразия туркменского ковра. Наиболее слабо атрибутированными оказались амударьинские и иомудские изделия, и их стали с осторожностью называть амударьинской и иомудской группами. Вызывали вопросы и цветовые пристрастия разных племен, и выраженные, но неясные закономерности в выборе ткачами мотивов для украшения предметов малых форм: *торб, чувалов, попон асмалдык* и пр.⁴

С 1970-х гг. появляются разработки, опирающиеся на структурные особенности артефактов⁵. Исследования были начаты Дж. Томпсоном и С. Азади, определившими технические параметры изделий племени салор (S-группа) и выявившими *салор-гэль* [Bogolyubov, 1973, p. 36, etc.; Tsareva, 1984b]. Важным исследованием в указанном направлении стала монография [Rautenstengel, Azadi, 1990], выделившая группы *цел-I, II, III* из массы ранее относимых к иому-

¹ О ворсовом ткачестве см. [Царева, 2009б].

² Основаниями для атрибуций послужили данные, собранные А.А. Боголюбовым и С.М. Дудиным в Туркменистане *in situ*; а также сведения, полученные ими и другими любителями туркменских ковров от бухарских и туркменских купцов.

³ Созданная В.Г. Мошковой классификация включала «живые», т.е. опознаваемые ткачами как племенные, *гэли* вышеназванных племен. Не атрибутированными остались такие эмблемы, как *мары-, темирджин-, ваззык-, дыр-нак-, онурга-гэль* и группа обозначаемых общетуркменским термином медальонов *чувал-гэль*.

⁴ О видах туркменских ковровых изделий: [Мошкова, 1970, с. 26–29].

⁵ См.: [Царева, 1993, 2008; Azadi, 1975; Jourdan, 1989; Konig, 1980, 1981; McCoy, Boucher, 1973, 1975; O'Bannon, 1974; Pinner, 1981, 1991, 1993; Pinner and Eiland, 1999; Pinner and Franses, 1980; Thompson, 1983; Tsareva/Tzareva, 1978, 1984a, b, 1985, 2008, 2011b; Turkmen Tribal Carpets..., 1980; Wie Blumen..., 1993].

дам *халы* с «орлиными»/игл *гёлями*⁶. Несмотря на успехи, количество вопросовросло и стало очевидно, что круг атрибуционных признаков нуждается в расширении. Поискам и выявлению таких маркеров и посвящена предлагаемая статья.

История сложения феномена⁷

На территории Туркменистана материальные свидетельства существования ворсового ткачества фиксируются периодом бронзы, однако орнаментальная составляющая прослеживается с позднего неолита, со времени заселения южной прикопетдагской полосы пришедшими с юга и запада земледельцами. Судя по находкам пряслиц на городище Джейтун (VII — середина III тыс. до н.э.), среди их занятий было ткачество [Массон, 1971, табл. XXXIX, 5–9]. В это же время появляется орнаментированная керамика — главный источник наших знаний о духовном мире древних. Как показывает анализ декора ворсовых изделий, практически все джейтунские сюжеты, особо — мотивы струй и точек-капель воды, — вошли в орнаментальный запас ковроделия Южного Туркменистана и Средней Амударьи. В период энеолита и ранней бронзы на керамике Южного Туркменистана появляются «ландшафтные» сюжеты, использовавшиеся местными и амударьинскими ткачами вплоть до XX в., а также анималистические и космогонические мотивы, также сохранившиеся в изобразительной традиции Средней Амударьи и Южного Туркменистана [Царева, 2006, рис. 2–9]. Начавшиеся в энеолите процессы наметили тенденции, завершившиеся образованием южно-туркменистанской (далее — ЮТ), среднеамударьинской (САД) и арало-каспийской (АК) ковродельческих зон⁸.

В конце III тыс. до н.э. на территории юго-восточного Туркменистана и прилегающих с юга и востока землях, в одно время с цивилизацией Инда в Пакистане и Древнеавилонским царством в Междуречье, формируется культура, названная В.И. Сарияниди Бактрийско-маргианским археологическим комплексом (БМАК) [Антонова, 2009]. Для нашей темы особо важны находки с комплекса Гонур-депе, старая дельта Мургаба [Сарияниди, 2002; Sarianidi, 2007]. Памятники БМАК, особо — печати, демонстрируют зооморфные образы змеи, жука и др., ставшие неотъемлемой частью «коврового bestiaria» САД [Царева, 2004; 2006, с. 31–33]. Отметим также вошедшие в ковровую орнаментику изображения птиц с распахнутыми крыльями, в том числе двуглавых [Царева, 2012б], и прямую клетку с мотивом *накши хишт* («рисунок из кирпичей») [Царева, 2010б, с. 56; Tsareva, 2011a, fig. 9].

Из сказанного очевидно, что мотивы периода энеолита и бронзы ЮТ сохранились в зоне их первичного формирования и на САД, куда были принесены в процессе движения земледельцев ЮТ на восток [Сарияниди, 1977, с. 156–159]. Фиксация подобных рисунков на ковровых изделиях является важным признаком при идентификации неопознанных по месту производства изделий, в частности ковриков с мотивом *накши хишт* ЮТ племен салорской конфедерации.

На территории БМАК обнаружены первые, хотя и косвенные указания на существование в регионе ворсового ковроделия — это композитные каменные и серебряные фигурки, «одетые» в длинноворсовые юбки и накидки шумерского типа. Появление в ЮТ ворсового ткачества связывают с приходом сюда первых известных нам ковроделов, мигрантов из Месопотамии [Царева, 2012а]. Другие близкие по времени свидетельства — бронзовые клинки, выявленные раскопками в долине р. Сумбар и идентифицируемые как ковровые ножи [Хлопин, 2002, табл. 121, 5, 6].

В VI–IV вв. до н.э. часть Туркменистана входит в империю Ахеменидов. Явное воздействие ахеменидского искусства на ткачество региона не выявлено, хотя именно ахеменидским временем датируются первые ворсовые изделия с каймовым обрамлением. Эталонным образцом рамочной композиции служит выполненный в ахеменидском каноне пазырыкский ковер, сакского периода [Руденко, 1953, табл. СХV], художественные особенности которого признаны типичными для ковродельческой традиции ряда стран Евразии, в том числе Туркменистана.

⁶ *Игл-I* и *игл-III* используют асимметричный открытый влево узел, *игл-II* — асимметричный открытый вправо. Объяснение разделению типов I и II на две группы не дано.

⁷ Здесь и далее приводятся только те данные из истории Туркменистана, которые соотносятся с процессами сложения и функционирования института ковроделия в регионе.

⁸ Предложенные сокращения являются вынужденной мерой, направленной на уменьшение объема текста. Выделяемая автором зона САД совпадает с Лебапским велаятом современного Туркменистана; ЮТ включает Ахальский и Марыйский велаяты; АК — Балканский и Дашогузский велаяты, а также относящиеся к современному Казахстану и Узбекистану территории обитания чоудоров и других племен бывшей чоудорской конфедерации. Подчеркнем, что ковродельческие зоны не всегда совпадают с географическим делением. Так, хотя формально юго-запад страны относится к ЮТ, ворсовое ткачество местного населения тяготеет к АК группе.

Включение региона в IV в. до н.э. в империю Александра Македонского и затем в Бактрийское, Парфянское и Кушанское царства [Пилипко, 1994] создало предпосылки для сложения здесь эллинистического художественного стиля. Большое воздействие на местную культуру, включая ковроделие, оказали саки. Среди них были и потомки пазырыкцев, вытесненных сюннуцами с Алтая в конце I тыс. до н.э. и принявших активное участие в создании Кушанской империи⁹. Именно в данный период началось активное заселение зоны САД, обусловленное появлением здесь водоподъемного колеса [Царева, 2010а].

Кушанским временем фиксируется появление на юго-востоке современного Туркменистана — северного Афганистана ковроделия бактрийского типа, признанного одним из прямых предков туркменского ворсового ткачества и представленного значительным числом вещевых памятников [Царева, 2006, с. 21–27; 2009а; 2012а, 246–247; Tsareva, 2011а]. В части техники выявляется общность структур бактрийских и туркменских ковров (см. ниже), а в части художественных особенностей — эллинистические сюжеты в местной иконографии, среди которых назовем «меандр с виноградным листом» (*овадан гыра*) и стрельчатую арку. В коврах она стала элементом рисунка сакральных для туркмен занавесей *энси* и панелей с мотивом *дарваза* и амударьинских молитвенных ковров *сафф* и *седжаде* [Царева, 2006, рис. 10, 12, 14, 34, 35]. Уникальный пример общности мотивов амударьинских и бактрийско-кушанских ворсовых изделий — рисунок ковра на каменном рельефе II в. н.э. [Yaldiz, 2006, fig. 55] и его аналоги на чужалах САД с ленточными композициями [Tsareva, 2011b, fig. 132, 133].

Приход в регион в VIII в. арабов положил начало распространению здесь ислама и исламской культуры. В ковровый глоссарий туркмен входят термины *эле́м* (от ар. *'алам* 'знамя') для торцовых панелей *халы*, *энси* и *чужалов* [Azadi, 1983]; и *йайле* (от ар. *'а'ила* 'семья') для П-образной внешней каймы *энси* [Tsareva, 2003, p. 166]. Возможно, с приходом арабов в орнаментике САД закрепился и древневосточный мотив *накши хишт*.

Новый этап наступил с появлением в Средней Азии тюрков, инфильтрация которых в регион началась достаточно рано, однако приобрела массовый характер с приходом огузов, сыгравших важную роль в формировании туркмен как этноса. Огромное значение при этом имело принятие частью населения тюркского языка; с присутствием огузов связывают и появление самого этнонима «туркмен» [Агаджанов, 1969; Каррыев и др., 1954; Карпов, 1945]. Ковроделие восприняло тюркский племенной стиль и символику при сохранении ранним населением региона значимых изобразительных сюжетов предшествовавших эпох.

Тюркизация продолжилась при сельджуках [Агаджанов, 1991; Крадин, 2007; Марков, 1976; Хазанов, 2002], создателях особого художественного стиля, в ковроделии фиксируемого гербовыми композициями *гёлевого* типа, 8-угольной «сельджукской» розеткой и закреплением птичьих сюжетов, как двуглавых, с распахнутыми крыльями, так и парциальных, в составе *гёлей* (возможно, результат слияния с сакской традицией [Царева, 2012б]). Предположительно тюркским наследием является мотив «родового женского древа», соотносимый с образами древних женских изображений, богини Умай и «древа жизни» [Царев, 2010]. Важные данные к теме сельджукского наследия дают сохранившиеся в мечетях Конии ковры XIII–XV вв. и их изображения в европейской живописи. Декор некоторых, особенно с *гёлевой* структурой¹⁰, близок к туркменским ковровым композициям и, видимо, представляет стандарты тюрко-огузской системы декора.

В 1092 г. Сельджукская империя распалась. «Родовое древо тюрков» [Абуль-гази, 1996] говорит о вражде между туркменскими *илями* и об их рассеивании по территориям, сохраненным, как доменами, племенами, пережившими монгольскую катастрофу XIII в. Лежащая в руинах, обезлюдившая страна испытала новые волны миграций (кипчаки, монголы, иные тюркские племена, китайцы, индийцы, иранцы, арабы, позднее — узбеки), сопровождавшихся объединением части коренного и пришлого населения в территориально-племенные конфедерации, в том числе в салорский и чоудорский союзы [Каррыев и др., 1954; Бартольд, 1963]. В части ковроделия монгольский период не принес значительных новшеств. Редкое заимствование — характерная для *асмалдыков* и *торб* САД 3-частная композиция [Tsareva, 2011b, fig. 120, 121], прототип которой мы видим на ковриках второй половины XIII в., изображенных на иллюстрациях к «Возвращению госпожи Вен Чи» [Gantzhorn, 1998, 142–154]. Важными для развития коммерче-

⁹ Сводная библиография: [Акишев, Кушаев, 1963]; о культуре саков: [Артамонов, 1973; Chugunov et al., 2006; Malloy, Maig, 2000].

¹⁰ Сравните декор ковра XIII–XIV в. из мавзолея с гробницей султана Адааддина Кейкубата, Кония [Gantzhorn, 1998, il. 117] и *гёлы* на салорской *торбе* из собрания П. Хоффмайстера [Tsareva, 2011b, fig. 3].

ского ковроделия факторами стали увеличение производимых в стране объемов шерсти (результат процесса номадизации) и установление охвативших всю империю торговых путей.

Послемонгольский период рассматривается как время сложения близкой к современной структуры туркменского социума и его культурных особенностей. Несмотря на лакуарность материала, можно говорить и о принятии туркменским ковроделием XIV–XV вв. близкого к современному облика [Царева, 2008]. Его главной особенностью становится индивидуально-племенной характер таких знаковых предметов, как *халы*, дверные занавеси *энси* и свадебные попоны *асмалдык*. Другие изделия демонстрируют большее разнообразие. В том числе в зонах ЮТ и САД¹¹ по-прежнему применяются ранние аграрные, антропоморфные, зооморфные, мифологические мотивы (отметим композицию «Сенмурв с собаками» [Царева, 2006, с. 53–54]).

Одновременно с орнаментикой формировались и свойственные изделиям АК, ЮТ, САД зон колористические решения. Так, для АК ковров характерны глубокие красно-пурпурные тона; ковроделы ЮТ использовали варианты звучных, чистых оттенков вишнево-красного (кроме поздних «черных пенде»); мягкой, теплой была цветовая гамма ковров САД. Изучение темы позволило сделать предположение о закреплении названных доминант на уровне территориального признака, обусловленного качествами почвы и воды этих зон: сильно засоленной на территориях АК; «самой легкой и сладкой в Хорасане» амударьинской [Материалы..., 1939, с. 177] и наиболее чистой в оазисах ЮТ. Названные тона сохранялись племенами при изменении мест обитания, что объясняет, в частности, пестроту цветовой гаммы изделий САД, активно заселявшейся в XVII — первой половине XIX в. мигрантами с юга и запада [Винников, 1962].

Структурные особенности туркменского ковра XVI — начала XX в.

Как сказано выше, сегодня практика ворсового ткачества возводится к бронзовому веку. Процесс формирования техники был долгим, исходные варианты послужили основой для разработки нескольких устойчивых способов вязки. Одной из особенностей центрально-азиатской традиции стала множественность способов узловязания, включающих все практикуемые сегодня в Евразии типы и некоторые сугубо местные приемы.

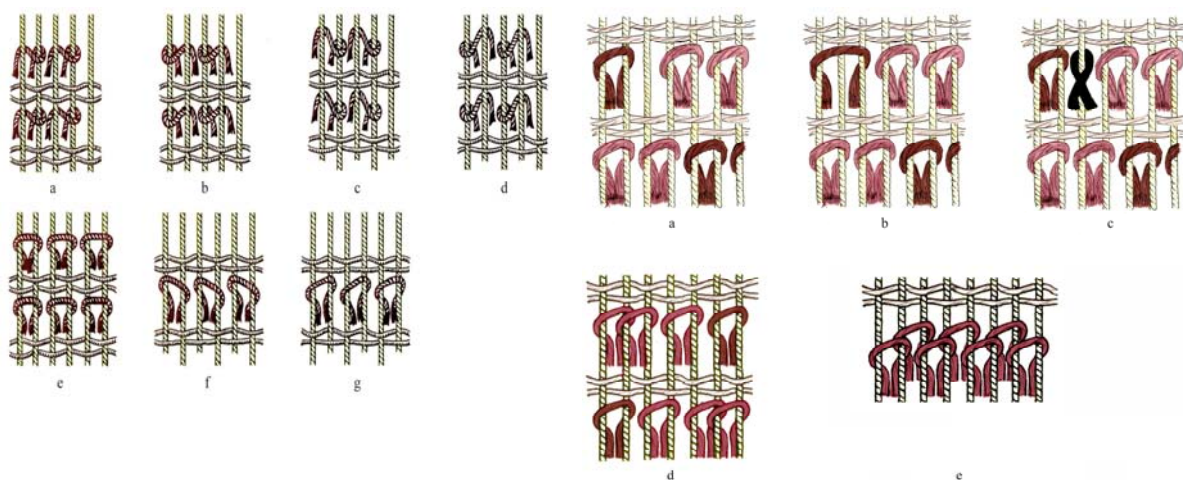

Рис. 1. Регулярные узлы:
 а — as открытый влево; б — as открытый вправо;
 с — as открытый влево, с депрессией;
 д — as открытый вправо, с депрессией; е — sy;
 ф, г — sy, с депрессией

Рис. 2. Способы получения приема смещения при su-вязке:
 а — пропуск нити основы; б — введение узла на трех нитях;
 с — введение узла/петли на одной нити;
 д — одиночный зацеп; е — сплошной зацеп

Структурная особенность ворсового ткачества — использование как декоробразующего элемента узелков (либо петель), крепящихся к нитям основы и фиксируемых прогонами утка (рис. 1–3). Помимо классических асимметричных (as), открытых влево и вправо, и симметричных (sy), туркмены практиковали большое число иррегулярных узлов и приемов ткачества, применяемых как в as, так и в sy структурах. К иррегулярным относятся узлы на одной, трех и более нитях основы и кросс-узлы (рис. 2), пэкинг/раскинг (однотонные либо разноокрашенные)

¹¹ О ковроделии САД: [Мошкова, 1970; Царева, 2004, 2006; Konig, 1980, 1981; Tsareva, 1985].

Ковер как исторический источник: к истории формирования художественного облика...

(рис. 3, b) и др. Как иррегулярные приемы определяются эксцентричная вязка и смещение/offset (рис. 2, 3).

Su-техника вязки использовалась сарыками, огурджами, игдырами, всеми изготовителями *иоламов* и некоторыми анонимными прикаспийскими группами¹². При su-вязке применялся прием смещения, служивший для получения «живописных» цветочных мотивов и каймовых меандров и для придания ткани прочности [Tsareva, 2008].

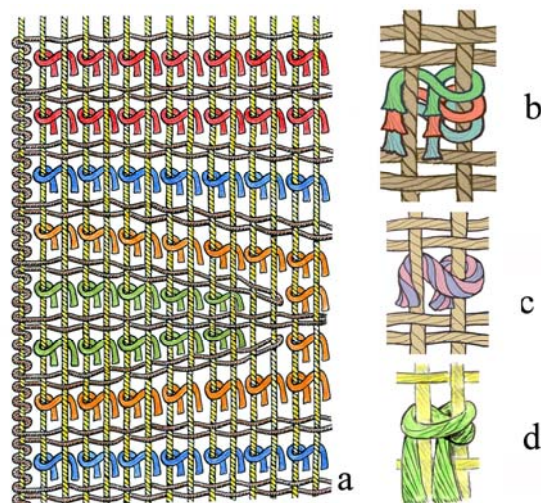

Рис. 3. Эксцентричная вязка (a), тройной пэкинг (b), прием сучения нитей разных цветов (c), кросс-узел (d)

Остальные туркмены использовали *as* узлы двух типов: салоры, емрели, чоудоры практиковали открытый влево узел; теке, эрсари, иомуды — открытый вправо. Различия внутри дефиниций касаются угла депрессии: у салоров и мервских текинцев она могла превышать 45 градусов, благодаря чему с изнанки образовывался рубчик; в работах других *as*-групп депрессия не выявлена либо незначительна. Оптимальным способом достижения высоких художественных результатов является салорская вязка, позволяющая выполнять рисунки любой сложности. Для тех же целей текинцы применяли высокую плотность (до 10 000 узлов и более на 1 дм²) и смещение. У ткачих САД, особенно южной зоны, были популярны пэкинг и эксцентричная вязка.

Сопоставление выявленных типов узлов с историческими реалиями обнаружило некоторые ранее не описанные закономерности. Первое: среди туркмен *as* открытый влево «иранский» узел использовали аборигенные для региона оламы и племена огузского происхождения: салоры, емрели, арабачи. Второе: *su* «тюркский» узел практиковали сарыки, анонимные прикаспийские группы; а также каракалпаки и население Кавказа и Малой Азии. Третье: ткачи более поздних формирований: теке, иомуды, эрсари — восприняли *as* открытый вправо узел, в рассматриваемый период применяемый в Евразии только туркменами.

Одновременно характерную для туркменского ковроделия многовариантность используемых материалов и структур нитей можно рассматривать как территориальные особенности. Так, жители АК зоны (кроме иомудов) делали уток из верблюжьей шерсти, шелка, иногда хлопка, в то время как ковроделы ЮТ и САД применяли их в ворсе. Особый маркер — материал основы, которым может быть овечья (ЮТ племена) и козья шерсть (САД), хлопок (АК зона). Впервые заявленное автором в 1993 г. [Царева, 1993, с. 22–23] данное направление требует большого статистического материала для разработки. В качестве предварительного можно высказать предположение, что более архаичной и стабильной является практика изготовления не ворса, а основы и утка, определяемая территориальными традициями, связанными с наличием в хозяйствах производителей тех или иных материалов, что, в свою очередь, зависит от принятого племенем типа хозяйствования.

¹² Новейшие данные об узловязании разных племен и *иоламов*: [Tsareva, 2011b]; особо о сарыках: [Tsareva, 1978; 2008]; салорах: [Tsareva, 1984b].

Гёли постилочных халы туркмен

Раздел рассматривает такую ранее не разрабатывавшуюся другими авторами тему, как художественные особенности *гёлей* как маркеров территориальной и конфедерационной принадлежности изготовителей. Для наглядности рассматриваются такие наиболее «чистые» варианты, как постилочные *халы* салоров и чоудоров (рис. 4).

Рис. 4. Салор-гэль (а) и чоудор-гэль (b)

Как сказано выше, особо важным открытием в области атрибуции анонимных племенных эмблем стала идентификация *салор-гёля*. О сложности таких изысканий говорит длительность процесса выявления данного медальона. Так, если соотнесенность *эртмен-гёля* с продукцией чоудоров, *гюлли-гёля* — с эрсаринцами, *теке-гёля* — с текинцами была установлена уже в XIX в., то идентификация *салор-гёля* заняла около ста лет. Основная причина, видимо, — редкость салорских *халы*, предположительно вызванная утратой племенем практики их производства уже в первой трети XIX в., и, возможно, отсутствие у салоров института товарного ковроделия. Как результат, салорские постилочные ковры были мало либо вовсе неизвестны торговцам коврами, данные которых были основным источником знаний о предмете вплоть до XX в.¹³

Уже простое сравнение *салор-* и *чоудор/эртмен-гёля* (рис. 4) показывает отличия их формы, заполняющего *гэль* рисунка, его расцветивания, расположения медальонов на центральном поле. Так, *эртмен* имеет ромбовидную форму со ступенчатыми контурами и «двуглавыми» навершиями на верхнем и нижнем углах. Ромбы вписаны в повторяющую их очертания сетку. Еще одна особенность — характерное для ирано-кавказской традиции плоскостное расцветивание медальона. По очертаниям и манере расцветивания он близок к каспийским *капса-*, *игл-*, *С-гёлям* и розетке *адлар/атцвагорг* Южного Кавказа, что позволяет говорить об их общности как носителей традиций циркумкаспийской зоны¹⁴.

Принципиально отличается по структуре фестончатая розетка *салор-гэль*, с 4-частным вертикально-горизонтальным делением и характерным для Средней Азии диагональным расцветиванием плоскости. В отличие от включенных в сетку *эртмен-гёлей*, организованные в горизонтально-вертикальные ряды *салор-гёли* как бы плывут по полю ковра, создавая эффект движения и свободы [Tsareva, 1984a, fig. 3, 115]. Данная форма и принцип организации медальонов использовались и другими племенами бывшей салорской конфедерации: сарыками, теке, эрсари, — что должно рассматриваться как результат четкой разработанной системы.

Истоки сформировавшихся столь разные *гёли* традиций неясны, хотя очевидно, что оба они, равно как и представленные на малоазиатских коврах XIII–XV вв. и египетской вышивке IX в.

¹³ В среднеазиатских музеях салорских ковров нет; в России — в собрании Государственного Эрмитажа [Tsareva, 1984a, fig. 3] и Российского этнографического музея [Царева, 2011, рис. 59].

¹⁴ Изображения *капса-* и *С-гэль*: [Tsareva, 1984a, fig. 70, 66]; *игл-гэль*: [Tsareva, 2011b, fig. 87]; *адлар/атцвагорг*: [Tsareva, 2000, cat. 113b].

медальоны [Great Carpets..., 1996, p. 27], восходят к единому архетипу. То же относится к прототипам розеток типа «малый гольбейн» [Gantzhorn, 1998, p. 170; Erdmann, 1970, p. 53] и др. На туркменской почве прикаспийский *эртмен* оказался ближе к исходному варианту, а *салор-гёль* приобрел более округлую форму.

Возникает вопрос о территории формирования *салор-гёля* и его дериваций *сары-*, *гюлли-* и *теке-гёль*. Важным маркером при этом является фон центрального поля *халы* всех названных групп, светлых оттенков вишнево-красного цвета, типичных, как сказано выше, для изделий ЮТ. Анализ ворсовой продукции племени позволил предположить, что *салор-гёль* был разработан в ЮТ, где оно обосновалось не позднее XV в. (хорасанские салоры). Данное предположение объясняет и такие вышеназванные особенности салорского ковроделия, как *ас* открытый влево узел с большой депрессией, достаточно светлую цветовую гамму и уходящую корнями в энеолитическое прошлое ЮТ орнаментику мелких ковровых изделий (мотивы *ак су*, *накши хишт*, *чарх палак* и др.).

Если проследить практику использования *гёлей* в *халы* племен салорского союза, то мы получим несколько неожиданные результаты. А именно: самые ранние ковры с *салор-гёлями* есть собственно салорские. Ковры с *теке-* и *сары-гёлем* появляются лишь в начале XVIII в., т.е. уже на территории ЮТ. Более ранние текинские постилочные ковры не известны; а сарыкские XVI–XVII вв. несут не *сары-гёль*, а 8-угольные розетки *онурга/темирджин-гёль* и имеют характерную для АК зоны пурпурную тональность [Pinner, Eiland, 1999, pl. 5]. При этом *онурга* используется также другими туркменскими и северокавказскими ковроделами [Tsareva, 2000, cat. 111], что не позволяет идентифицировать его как сарыкский, но может указывать на присутствие в этногенезе данного племени компонента, общего для населения тюркоязычного ареала Евразии.

Особая группа — ковры с «орлиными»/*угл-гёлями* (англ. eagle — «орел»), долгое время атрибутировавшиеся как иомудские [Боголюбов, 1908, табл. 13, 14; Дудин, 1928, табл. II, 42; Мошкова, 1970, табл. LIX]. Выделенные в 1980-е гг. в отдельный тип, с тремя подтипами: *угл-I, II, III* [Rautenstengel, Azadi 1990], они, тем не менее, остались анонимными. Ниже предлагается попытка идентификации подтипа *угл-I*.

Первичное отнесение *угл-I* к АК зоне не вызывает сомнения: об этом говорит форма *гёлей* и пурпурные тона центрального поля *халы*. Глубина цвета указывает на применение при крашении шерсти проточной воды, что в условиях АК зоны локализует район производства территорией ирано-туркменского пограничья. Показательно использование ткачихами покупной овечьей и верблюжьей шерсти сучения Z3S¹⁵ и крашенного кошенилью шелка: применение дорогой привозной армянской кошенили и иранской (?) пряжи свидетельствует о торговых связях производителей с Южным Кавказом и предположительно с Ираном. Об ирано-кавказском векторе торговых связей группы говорит и ареал бытования — Иран, Кавказ, Турция. О преимущественно коммерческом характере производства группы *угл-I* свидетельствует недопустимая для стабильной племенной традиции вариативность декора *халы* и крайняя ограниченность видов продукции (*халы*, несколько *торб*, три *иолама*).

Из сказанного очевидно, что создавшее ковры *угл-I* племя было богатым, частично земледельческим (изобилие шелка), при развитом овцеводстве, верблюдоводстве и коммерческом ковроделии. Еще один важный фактор — возраст изделий, датированных XIV–XVIII вв.¹⁶ Это означает, что их производители создали свою систему ткачества не позднее XIII в., активно работали предположительно до начала XVIII, но позже утратили ремесло, наиболее вероятно, в результате обеднения и/или переселения. Одновременно *ас* открытый влево узел предполагает огузское происхождение изготовителей. Возникает вопрос: известно ли нам большое и богатое туркменское племя, с огузскими корнями, проживавшее в юго-западной части АК зоны Туркменистана до XVIII в.? Население должно было быть аграрным, частично — скотоводческим и иметь развитые торговые контакты с южными соседями.

Как показали исторические данные, такое племя существовало. Это были емрели (эймур) — племя огузского происхождения, проживавшее на Балханах, затем в Юго-Западном Туркменистане и северном Иране (окрестности Астрабада) [Бартольд, 1968]. В начале XVIII в. они были

¹⁵ Z3S — структура пряжи, составленной тремя элементарными Z-прядеными и S-сучеными нитями.

¹⁶ Материалы симпозиума по датированию туркменских ковров, Лиесталь, Швейцария, 2002 г., частично опубликованные [Царева, 2008].

вытеснены текинцами и иомудами в Ахал, а затем и далее и в начале XIX в. переселились в Хорезм. Повторим, что предложенная идентификация относится только к группе *игл-I* [Tsageva 2011b, p. 87—91]. Аналогичная атрибуция была ранее предложена Дж. Томпсоном для всей группы *игл* [Turkmen Tribal Carpets..., 1980, p. 134—144], что представляется неверным в силу принципиальных отличий в структурах *игл-I*, *II* и *III*. Подчеркнем, что предложенные атрибуции были получены независимыми путями.

Заключение

Таким образом, мы проследили этапы процесса формирования феномена туркменского ворсового ковра и выявили некоторые его особенности, сложившиеся за тысячи лет развития в устойчивые общие и частные территориальные, временные и племенные идентификационные признаки. Такими показателями являются все, без исключения, составляющие ворсовых артефактов, а именно: вид узла и применяемые приемы иррегулярности вязки; цветовая гамма; тип *гёля* и орнаментика мелких изделий; материалы ковроделия. Рассматриваемые в комплексе и в сочетании с историческими реалиями жизни туркмен названные признаки показывают, что характерные для туркменских узелковых изделий художественные и структурные отличия обусловлены сложной системой факторов, в комплексе работающих как атрибуционные маркеры, позволяющие уточнить, а иногда и определить происхождение рассматриваемых предметов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абуль-Гази-Багадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. М.; Ташкент; Бишкек: Туркестан, 1996. 186 с.
- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Илым, 1969. 295 с.
- Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 320 с.
- Антонова Е.В.* К проблеме формирования бактрийско-маргианского археологического комплекса // КСИА. 2009. Вып. 233. С. 202–223.
- Артамонов М.И.* Сокровища саков // Памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд. Соч. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 1. 760 с.
- Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. Т. 5. 759 с.
- Боголюбов А.А.* Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А.А. Боголюбовым, вып. 1–2. Текст на рус. и фр. яз. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. 66 с.
- Винников Я.Р.* Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Ашхабад, 1962. Т. 6. Сер. этногр. С. 1–110.
- Дудин С.М.* Ковровые изделия Средней Азии // СМАЭ. 1928. Т. 7. С. 71–167.
- Карпов Г.И.* Туркмены-огузы: (Материалы к этногенезу туркменского народа) // Изв. Туркм. филиала АН СССР. Ашхабад, 1945. № 1. С. 3–9.
- Каррыев А., Мошкова В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. / Под. ред. А.Ю. Якубовского. Ашхабад: АН ТуркмССР, 1954. 405 с.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 321 с.
- Массон В.М.* Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180. 207 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники // Тр. Ин-та Востоковедения — XXIX. / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
- Мошкова В.Г.* Племенные гёли в туркменских коврах // СЭ. 1946. № 1. С. 145–162.
- Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX века. Ташкент: Фан, 1970. 256 с.
- Пилипко В.Н.* История Туркменистана в античный период: (Краткий очерк). Ашхабад: Ылым, 1994. 76 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди В.И.* Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ashgabat: Turkmen-dowlethabarlary, 2002. 360 с.

Ковер как исторический источник: к истории формирования художественного облика...

- Фелькерзам А.Е.* Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. СПб.: П.П. Вейнеръ, 1914. Окт. — дек. С. 57–113.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб: Петерб. Востоковедение, 2002.
- Царев Н.В.* Образ матери-прародительницы на войлочных изделиях кочевнических народов Степи // Вестн. молодых ученых: Культурология и искусствоведение, 7'05. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2010. С. 33–39.
- Царева Е.Г.* Традиционное ткачество туркмен как этнографический источник: Дис. ... канд. ист. наук в форме науч. докл. СПб., 1993. 24 с.
- Царева Е.Г.* Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации. Тр. Маргианской археол. экспедиции: Сб. статей к 75-летию В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 202–224.
- Царева Е.Г.* Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // И.Ю. Котин, М.А. Родионов, Е.Г. Царева. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 7–98.
- Царева Е.Г.* К вопросу о датировании ранних туркменских ковров (салоры, сарыки, население Средней Амударьи) // Тр. Маргианской археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 234–244.
- Царева Е.Г.* Ворсовые ковры с сюжетом льва и тигра в центрально-азиатских тканях кушанского времени // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2009а. С. 75–86.
- Царева Е.Г.* Ковер ворсовый // Большая Российская Энциклопедия: В 30 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009б. Т. 14.
- Царева Е.Г.* Ворсовое ткачество населения Средней Амударьи как форма адаптации к географическим и историческим особенностям региона // Тр. Междунар. конф. «Человек: его биологическая и социальная история», посвященной 80-летию акад/ РАН В.П. Алексеева Одинцово, 2010а. С. 230–234.
- Царева Е.Г.* Древнейшие сюжеты на современных гладкотканых ковровых изделиях арабов Центральной Азии // Радловский сб. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010б. С. 55–58.
- Царева Е.Г.* Ковры в собрании Российского этнографического музея. СПб.: РЭМ, 2011. 60 с. [Электрон. ресурс].
- Царева Е.Г.* Филикли: К истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана) // Тр. Маргианской археол. экспедиции. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012а. С. 240–249.
- Царева Е.Г.* Образы птиц на туркменских коврах XVI–XIX веков // Сб. ОЮЮЗА МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. 2012б. С. 111–136.
- Azadi S.* Turkoman Carpets and the Ethnographic Significance of Their Ornaments. Fishguard: The Crosby Press, 1975. 125 p.
- Azadi S.* Alam (elem): Some Aspects of Turkoman 'Additional End Borders' // Hali. L., 1983. Vol. 5, No. 3. P. 261–267.
- Bogolyubov A.A.* Carpets of Central Asia L.: The Crosby Press, 1973. 387 p.
- Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der Goldschatz von Arzan. Ein Furstengrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. Munchen: Schirmer/Mosel, 2006. 143 p.
- Erdmann K.* Seven Hundred Years of Oriental Carpets. L.: Faber and Faber Ltd, 1970. 238 p.
- Gantzhorn V.* Oriental Carpets. Their Iconology and Iconography from Earliest Times to the 18th Century. Koln: TASCHEM, 1998. 532 p.
- Great Carpets of the World / Intr. by Y. Mikhaeloff.* N. Y.: The Vendome Press, 1996. 379 p.
- Jourdan U. von.* Orientteppiche, Battenberg Antiquitaten-Katalogue. B. 4: Turkmenische Teppiche. Munchen, 1989. 328 p.
- Konig H.* Some Ideas on the Designs of Ersari Rugs and Their Origin // Hali. L.: Hali Publications Ltd, 1980. Vol. 2, No. 4. P. 275–282.
- Konig H.* Ersari Rugs — Names and Attributions // Hali. L.: Hali Publications Ltd, 1981. Vol. 4, No. 2. P. 135–142.
- Mallory J.P., Mair V.H.* The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. L.: Thames & Hudson Ltd, 2000. 352 p.
- McCoy J.H., Boucher J.W.* Tribal Rugs from Turkmenistan. Christmas Exhibition of the International Hajji Baba Society, Inc. Washington D.C.: Washington Hajji Baba Society, 1973. 100 p.
- McCoy J.H., Boucher J.W.* The Ersari and Their Weavings. Christmas Exhibition of the International Hajji Baba Society, Inc. Washington D.C.: Washington Hajji Baba Society, 1975. P. 98.
- O'Bannon G.W.* The Turkoman Carpet. L.: Duckworth, 1974. 311 p.
- Pinner R. A.* Beshir Carpets of the Bukhara Emirate — A Review // Hali. 1981. Vol. 3, No. 4. P. 294–304.
- Pinner R.* Salor Ensis // Hali. Issue 60, December 1991. P. 86–96.
- Pinner R.* The Rickmers Collection. Turkoman Rugs in the Ethnographic Museum Berlin. Berlin, 1993. 87 p.

- Pinner R., Eiland M.L.Jr.* Between the Black Desert and the Red. Turkmen Carpets from Wiedersperg Collection. San Francisco, 1999. 144 p.
- Pinner R., Franses M.* Some Interesting Tekke Products and their Designs // Turkoman Studies I. Aspects of the weaving and decorative arts of Central Asia. L., 1980. P. 102–163.
- Rautenstengel A. & V., Azadi S.U.* Studien zur Teppich-Kultur der Turkmen. Hauptteppiche mit 'Adler' — und Dyrnak-göl Verschiedener turkmenischer Gruppen — Vergleich ihrer Struktur und ihres Erscheinungsbildes. Gök-lan-Turkmenen und ihre Teppiche. Hamburg; Hilden: Annette Rautenstengel, 1990. 187 p.
- Sarianidi V.* Gonur-Depe. Turkmenistan. City of Kings and Gods. Ashgabad: Miras. 2006. 327 p.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur-depe. Second ed. Athens: Kapon editions. 2007. 340 p.
- Thompson J.* Carpet Magic. L., 1983. 160 p.
- Tzareva E.* Saryk tent bags in the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR // Hali. L.: Hali Publications Ltd., 1978. Vol. 1, No. 3. P. 277–281.
- Tzareva E.* Rugs and Carpets from Central Asia. The Russian Collections. Leningrad; L.: Aurora Art Publishers: Penguin Books, 1984a. 224 p.
- Tzareva E.* Salor Carpets // Hali. Vol. 6, No. 2. L.: Hali Publications Ltd., 1984b. P. 126–135.
- Tzareva E.* The Dudin Collections: Selected Masterpieces. Ersari tent bags // Hali. L.: Hali Publications Ltd., 1985. Vol. 7, No 3. P. 14–24, 67–68.
- Tzareva E.* Carpet weaving // The Caucasian Peoples. Exhibition, Antwerp: Anne de Hingh, 2000. P. 233–262.
- Tzareva E.* Decorative Door Cover // A World of Carpets and Textiles Washington D.C., 2003: ICOC. P. 166–167.
- Tzareva E.* Early Symmetrically Woven Turkmen Carpets: Notes on the Structure and History of the Formation of the Technique // The Journ. of Dar al-Athar al-Islamiyyah. Kuwait: DAI, 2008. Issue 25. P. 15–27.
- Tzareva E.* The Compartment Group of the Middle Amu Darya Pile Rugs and the Baktrian Carpet Making Tradition // Oriental Carpet and Textile Studies VII. Selected Papers from ICOC X, Washington 2003 & ICOC XI, Istanbul 2007. Bungalow: International Conference on Oriental Carpers, 2011a. P. 183–190.
- Tzareva E.* Turkmen Carpets. The Hoffmeister Collection. Masterpieces of the Steppe Art from 16th to 19th Centuries. Arnoldsche Art Publisher. Stuttgart: Arnoldsche Art Publishers, 2011b. 192 p.
- Turkmen Tribal Carpets and Traditions.* Washington D.C.: Garamind Pridemark Press, 1980. 239 p.
- Wie Blumen in der Wüste.* Die Kultur der turkmenischen Nomadenstamme Zentralasiens. Hamburg: Verlag Paul Hartung, 1993. 215 p.
- Yaldiz M.* Die Rezeption von Textilmotiven in der indischen Kunst und ihr Einfluss auf die Malerei Xinjiangs // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2006. P. 81–99.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
tsar@kunstkamera.ru

The article is devoted to problems of identification regarding pile weavings of XVI — early XX century from Turkmenistan. The author extends an attribution potential of traditionally attracted indices (types of knots and ornamentation) and suggests considering a number of structural and artistic features of the regional knotted weaving shaped over thousands years of development of a Turkmen carpet phenomenon into sustainable common and specific territorial, temporal, and tribal markers which have been never considered in this aspect before.

Pile carpet weaving, Turkmen, attribution, ornamental and structural peculiarities, identification indices.